

1989 ГОД КАК КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА В СССР И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

М.А. Пономарева

Аннотация. В статье рассматривается 1989 год как пик коллективной травмы, вызванной резкой потерей национальной и идеологической идентичности позднесоветским обществом, выявляется роль в этом процесс I Съезда народных депутатов. Опираясь на подходы изучения интеллектуальной истории и исторической памяти, автор поводит ретроспективный анализ воспоминаний политических деятелей конца 1980–начала 1990-х гг. В статье приводится обзор подходов историков, предметом изучения которых является перестройка, а также изменения советской политической и экономической систем в рассматриваемый период. Привлекаются статистические данные, позволяющие выявить развитие представлений о 1989 годе в массовом общественном сознании как рубежной дате новейшей советской истории. Автор обращается к таким аспектам анализа, как правомерность/ложность утверждений о существовании советской империи, роли руководства КПСС в подъеме общественного самосознания, фактору региональной и теневой экономики в развитии процессов распада государственности. Автор приходит к выводу, что преодоление коллективной травмы связано с поиском новой идентичности, имеет циклический характер и определяется традициями, сформировавшимися в первой половине XX в. Кризис социалистической идеи на рубеже 1980–1990-х гг. способствовал активизации инициативы руководителей КПСС по ее сохранению, что, в свою очередь, способствовало снижению партийной дисциплины и идеологического контроля и в результате привело к ослаблению влияния КПСС на общественно-политическую жизнь страны, а в итоге к кризису советской, и шире – социалистической политической системы.

Ключевые слова: СССР, перестройка, КПСС, 1989 год, советская империя, I Съезд народных депутатов, коллективная травма, власть и общество, идентичность, коллективная память, парадокс институционализированной ностальгии.

Пономарева Мария Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI веков Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, ponomariya@sfnedu.ru.

1989 IN USSR AS A COLLECTIVE TRAUMA AND PECULIARITIES OF ITS OVERCOMING IN MODERN INTELLECTUAL DISCOURSE

M.A. Ponomareva

Abstract. The article considers 1989 as the peak of the collective trauma caused by the sharp loss of national and ideological identity by the late Soviet society and reveals the role of the First Congress of People's Deputies in this process. Based on the approaches of studying intellectual history and historical memory, the author provides a retrospective analysis of the memoirs of politicians in the late 1980s and early 1990s. The article provides an overview of the approaches to study of perestroika, as well as changes in the Soviet political and economic systems in the period under review. Statistical data are used to identify the development of ideas about 1989 as a milestone date of the newest Soviet history in the mass public consciousness. The author addresses such aspects of analysis as the legitimacy/completeness of statements about the existence of the Soviet empire, the role of the CPSU leadership in raising public awareness, and the factor of regional and shadow economy in the development of the statehood disintegration. The author concludes that overcoming the collective trauma is of a cyclical nature connected with the search for a new identity, and is determined by the traditions formed in the first half of the XX century. The crisis of the socialist idea at the turn of the 1980–1990s contributed to the initiative to preserve it enforced by the CPSU leaders, which, in turn, contributed to a decrease of party discipline and ideological control, and, as a result, led to weakening influence of the CPSU on the socio-political life in the country, and eventually to the crisis of the Soviet and wider socialist political system.

Keywords: USSR, perestroika, CPSU, 1989, Soviet Empire, I Congress of people's deputies, collective trauma, power and society, identity, collective memory, paradox of institutionalized nostalgia.

Ponomareva Maria A., Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Modern History of Russia, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, ponomariya@sfnedu.ru.

...–Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

– По-моему, было бы то же самое, – философски ответил Боб Тидбол. – Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри. Дороги, которые мы выбираем.

Политика перестройки, и в особенности периода рубежа 1980–1990-х гг., явилась знаковым событием российской новейшей истории. Ее особенности определили поиски тех дорог, которые должна была выбрать страна на последующие без малого 30 лет своего существования. По большому счету, применительно к изучаемому периоду вопрос о коллективной травме позднесоветского общества неразрывно связан с другими: во-первых, каковы причины столь длительного существования СССР и в чем причина его распада, и во-вторых, более широко – о наличии кризиса социалистической модели, формах и механизмах его преодоления.

Обращаясь к изучению событий этого периода, мы исходим из того, что для всех слоев общества Советского Союза переосмысление прошлого, случившееся в один относительно короткий, спрессованный момент времени, превратилось в коллективную травму [Травма: пункты, 2009; Ассман, 2019]. Подобная травма предполагает, согласно Э. Ренану, солидарность, определяемую «чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем... в настоящем... это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь» [Ренан, 1902, с. 87–101]. Впрочем, следует согласиться с выводом А. Шёнле, в соответствии с которым «в жизни большинства русских людей катастрофы – будь то результаты человеческих действий (войны, революции, политические репрессии, экономические кризисы) или последствия «Божьего промысла» и природных стихий (наводнения, пожары, неурожай) – случались слишком часто и потому чувство незащищенности никогда полностью не исчезало» [Шёнле, 2018, с. 339]. Помимо представлений о наличии коллективной травмы позднесоветского общества, мы опираемся на термины «идентичность», и «институциональная ностальгия», содержание которых позволит раскрыть суть происходивших на рубеже 1980–1990-х гг. изменений в СССР. Опираясь на рассуждения Д. Бахманн-Медик о том, что в новейшей историографии при обращении к понятию «идентичность» подчеркивается не происхождение, сущность и единство, а скорее разлом, переход, пересечение, трансформация и безродность, мы соглашаемся с выявленной им опасностью недооцененности коллективной памяти общностей для их права на культурную идентичность. Эту угрозу Д. Бахманн-Медик связывает с развитием постколониального поворота и присущей ему деконструкцией традиционных сущностных категорий [Бахманн-Медик, 2017, с. 242, 243, 244]. «Парадокс институционализированной ностальгии» в нашем конкретном случае понимается, вслед за С. Бойм, как «обратная зависимость между чувством потери прошлого

и приверженностью к его сохранению» [цит. по: Шёнле, 2018]. В целом исследование построено на сравнительном анализе индивидуальной и коллективной памяти о событиях рубежа 1989–1990-х гг., с учетом того, что «там, где история находится на службе у формирования идентичности, где история осваивается гражданами и где к ней апеллируют политики, там можно говорить о «политической» или «национальной» памяти» [Ассман, 2015, с. 35]. При этом мы учитываем два аспекта, затронутых М. Хальбваксом: «... индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней» [Хальбвакс, 2005]; коллективная память развивается по собственным законам, индивидуальные воспоминания, становясь частью коллективной памяти, сами видоизменяются.

Обратившись к высказанным воспоминаниям, которые в представлении П. Рикёра адресованы субъектом в первую очередь самому себе, мы учитываем, что травматический опыт формирует препятствия к припоминанию. Следовательно, память становится для субъекта работой, и устранить возникшие препятствия можно «благодаря вмешательству третьего лица, например психоаналитика» [Рикёр, 2004, с. 180–181]. В случае исторической травмы таким специалистом становится профессиональный историк, выявляющий возникшие препятствия и устраняющий их, исходя из понимания особенностей исторического процесса. В нашем случае, рассмотрим 1989 год как пик коллективной травмы и начало осознания новой идентичности в СССР и последующего процесса формирования новой государственности посредством обращения к трем аспектам: I Съезд народных депутатов как катализатор травмы и изменение места КПСС в общественном пространстве страны; споры о распаде СССР как итоге существования «идеологической империи»; экономические противоречия позднесоветского периода.

В связи с этим представляется необходимым провести ретроспективный сравнительный анализ, с одной стороны, воспоминаний непосредственных свидетелей событий рубежа 1980–1990-х гг. (преимущественно, политических деятелей, таких как М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар, Е.М. Примаков, Г.Э. Бурбулис, А.Х. Везиров, С.М. Шахрай). Согласимся с А. Ассман, что воспоминания перспективны, отличаются друг от друга; они связаны друг с другом, подтверждают и упрочают друг друга; фрагментарны, то есть ограничены и неоформлены; эфемерны и лабильны (изменяются со временем вместе с переменной личности, ее жизненных обстоятельств, другие меркнут или теряются вовсе) [Ассман, 2014, с. 21]. С другой стороны, вызывает интерес сравнение подходов к исследованию политики перестройки, появившихся как в исследуемый период (В. Заславского, Х.У. Гумбрехта), так и значительно позднее (работы Ю.С. Пивоварова, А.В. Шубина, А.И. Вдовина, Дж. Хоскинга). В данном случае речь идет о представлениях политической и интеллектуальной элиты. Примеры массовых общественных представлений об отдельных событиях

политики перестройки мы почерпнули из социологических опросов, проведенных ВЦИОМ, Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центром) в 1989, 1999, 2004, 2019 гг.

Еще в 1921 г., после эффективно введенной новой экономической политики, в ответ на предложение Г. Мясникова разрешить «свободу печати от монархистов до анархистов включительно» В.И. Ленин безапелляционно ответил: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг... Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» [Ленин, 1970, с. 78, 79]. Традиции, заложенные Лениным, мифологизированные, переосмысленные и порой извращенные, определяли развитие социалистического мира в течение практически всего XX в. Неудивительно, как отмечает А. Ассман, что «в постсоциалистических странах возникло желание как можно скорее забыть Ленина, а следовательно, избавиться от поставленных ему памятников» [Ассман, 2019]. Тем не менее, «основным предметом раннего горбачевского ревизионизма, как он был задуман самим реформатором, была не критика легитимности режима с единой политической иерархией, а проблема оживления общей идеологической веры через живую дискуссию, – политическая иерархия и власть одной партии казались Горбачеву совершенно естественным и гарантированным условием» [Атнашев, 2018, с. 192]. Однако Е.М. Примаков в воспоминаниях отмечает, что «на самом деле речь шла о том, удастся ли отодвинуть партию от прямого – я хочу подчеркнуть это слово – прямого – руководства государством, так как вопрос об устранении КПСС из этой сферы вообще, по сути, не ставился даже большинством из тех, кто голосовал против 6 статьи Конституции, утверждавшей руководящую роль партии в СССР» [Примаков, 2018, с. 71]. Поэтому, учитывая политический опыт и рамки партийной и идеологической дисциплины, единственным достигнутым компромиссом было решение ввести плюрализм не партий, а мнений.

По мнению А. Юрчака, «само осознание периода середины 1960-х до начала 1980-х годов, когда Брежнев занимал пост генерального секретаря, как некоего целостного периода с конкретными историческими чертами, тоже лишь постфактум, в период перестройки». Этот период является непосредственным истоком тех «живучих моделей», которые описывают советскую реальность в терминах бинарных оппозиций (подавление – сопротивление, официальная экономика – вторая экономика, свобода – несвобода и т.д.) По мнению автора, данный подход отталкивается от «философских постулатов западного либерализма», поскольку частично объясняется особым расположением исследователя по отношению к советской системе как объекту анализа, поскольку большинство исследователей находились за пределами Советского Союза). Более того, некоторые «корни этих бинарных оппозиций берут начало гораздо глубже – в истории и идеологии холодной войны, когда понятие “советский блок” было сформулировано в противоположность понятию “Запад” и в отличие от понятия “третий мир”» [Юрчак, 2017, с. 38, 41, 43].

Как справедливо отмечает Т. Атнашев, именно с 1989 года в СССР появляется «...представление о «столбовой дорожке мировой цивилизации», к которой СССР может присоединиться, пусть и на особый лад, сделав свободный выбор» [Атнашев, 2018, с. 192, 193]. Особую роль в этом процессе сыграл I Съезд народных депутатов СССР, проходивший, как известно, с 25 мая по 9 июня 1989 г. и ставший переломным моментом в общественном сознании советского общества [Реформы в России..., 2016; Шех, 2014]. В. Заславский, в 1989 г. – советский эмигрант, изучающий новейшую историю Советского Союза, отмечает негативную роль Съезда, поскольку он разрушил политическую систему страны и тем самым явился толчком для развала страны. Некоторая путаница в датах (заседание XIX всесоюзной партконференции ошибочно указано 27 октября 1989 г., тогда как в этот день был принят закон о выборах народных депутатов), скорее всего, определяется значимостью ряда исторических дат и их плотностью как хронологически, так и по значимости принимаемых на них решений для советского общества [Заславский, 2019, с. 75]. В отличие от В. Заславского, взгляды которого в конкретный момент можно рассматривать в качестве модели воззрений части интеллектуальной элиты, мнения руководства СССР о I Съезде народных депутатов существенно не разнятся. М.С. Горбачев в книге «В меняющемся мире», признавая это событие «крутым поворотом», «настоящей сменой вех», определившей постепенную замену старых институтов власти на новые, отмечал, что «... удалось разбудить общество, сделать то, чего мы добивались все предшествующие годы перестройки, – включить народ в политику» [Горбачев, 2018, с. 86]. Однако, обращаясь к опыту Съезда, М. Горбачев отмечает ряд моментов: во-первых, свободные выборы показали, что власть не имела представления о разнообразии общественных представлений о проводимых реформах («прояснили позиции социальных слоев, которые, как оказалось, мы плохо себе представляли»); во-вторых, среди избранных депутатов оказалось 85 % членов КПСС, хотя в старом составе Верховного Совета их была примерно половина, но руководство КПСС восприняло итоги выборов как поражение (что было вызвано, как нам кажется, в том числе неустойчивым положением КПСС на политической арене и стремительно падающим авторитетом партийных органов на местах) [Горбачев, 2018, с. 86, 87, 88]. Об определяющей роли Съезда писал в своих воспоминаниях и Б.Н. Ельцин, особо подчеркивавший поворотный характер решения М. Горбачева о трансляции по телевидению его заседаний. Действительно, страна в течение десяти дней непрерывно следила за разворачивающимися дискуссиями, соперничая и впервые открыто и массово обсуждая политику партийного и государственного руководства. У жителей страны начала формироваться собственная позиция по тому или иному вопросу. Как писал Б. Ельцин: «В день открытия съезда это были одни люди, в день закрытия они стали уже другими. И как бы мы негативно ни относились к итогам съезда народных депутатов, как бы ни переживали и ни расстраивались из-за упущенных возможностей, не сделанных в нужном направлении политических и экономических шагов, все же главное случилось. Народ, почти весь народ, проснулся от спячки» [Ельцин, 1990, с. 144].

Аналогичная ситуация в стране сложилась и с сессиями Верховного Совета. Как вспоминает Е.М. Примаков, в 1989–1990 гг. — председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, заседания Верховного Совета вынуждены были перенести в запись на вечернее время, поскольку соответствующие народнохозяйственные органы подсчитали и выявили значительные убытки, которые приносит предприятиям просмотр заседаний в прямом эфире работниками. Однако, в воспоминаниях есть и еще один интересный нюанс: «Сидеть с утра до вечера почти ежедневно, зная, что ты перед глазами многомиллионной аудитории зрителей, — занятие и неприятное, и иногда опасное» [Примаков, 2019, с. 53]. Таким образом, Е.М. Примаков отметил возникающее у руководства страны обостренное чувство ответственности за принимаемые решения.

Действительно, I Съезд народных депутатов СССР проходил в обстановке всеобщего эмоционального подъема, который в новейшей историографии сравнивается с эффектом XX съезда КПСС: вновь всколыхнулась волна надежд на благотворные и теперь уже наверняка скорые перемены, на советских людей обрушился невиданный и неведомый им дотоле поток информации, по преимуществу негативной, вскрывающей язвы их бытия. По сути, это был «акт публичного низведения власти со священного пьедестала, на котором она пребывала многие десятилетия» [Реформы в России, 2016, с. 631, 632]. Значимость I Съезда народных депутатов для смены вектора развития страны сложно переоценить. Если мы рассматриваем мнение В. Заславского и воспоминания руководителей страны как соответствующие модели восприятия коллективной травмы 1989 года, растянутые во времени и опосредованные «институциональной ностальгией», то необходимо проследить и изменение массового общественного мнения по этому вопросу. Согласно результатам репрезентативного опроса 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центром), и опроса ВЦИОМ в 2019 г., в 1989 г. I Съезд народных депутатов считали важнейшим событием года 24% опрошенных, в 1999 г. — 12%, в 2004 г. — только 7%, в 2019 г. — 35% [Россияне о Первом съезде, 2019]. Тем не менее, согласно данным ВЦИОМ, 43% респондентов впервые услышали об этом событии в ходе опроса, преимущественно молодые люди от 25 до 34 лет (56%) [ВЦИОМ, 2019]. По данным опроса, необходимость созыва Съезда в то время подтверждают 65% опрошенных. Респонденты чаще всего говорили, что новый орган власти СССР подтолкнул дальнейшее развитие страны (13%). При этом возросла с 18% в 1999 г. до 31% в 2019 г. и доля тех, кто не заметил какого-либо влияния I Съезда народных депутатов на развитие общества. Сторонники мнения об отрицательном влиянии Съезда на развитие общества или вовсе о его отсутствии приводили доводы, что созыв Съезда привел в дальнейшем к распаду страны (11%), или о его совершенной бесполезности (15%) [ВЦИОМ, 2019].

Обращение к вопросу, можно ли назвать СССР империей, и если можно, то какова ее суть, и каковы причины ее распада — один из наиболее показательных

с точки зрения переживания коллективной травмы позднесоветского периода. Многообразие причин распада СССР достаточно полно представлено А.И. Вдовиным [Вдовин, 2019]. Остановимся только на некоторых аспектах т.н. «имперского вопроса». В. Заславский назвал причиной распада СССР «организованный консенсус», при котором «руководство пытается интенсифицировать атомизацию общества, другие социальные группы, не способные разглядеть перспективы или возможности для оппозиции, соглашаются на эту атомизацию в обмен на немногочисленные реальные, а зачастую и мнимые привилегии» [Заславский, 2019, с. 60]. В отличие от В. Заславского, обратившего, как мы видим, внимание на общественно-политическую ситуацию внутри СССР, философ и историк культуры Х.У. Гумбрехт в своем исследовании-воспоминании отмечает, что с момента вхождения советских танков в Будапешт осенью 1956 г. уже стало понятно, что «социализм отныне проповедует не открытое будущее, которое можно выбрать и которому можно придать форму, но будущее предопределенное и кастрированное все более стареющим режимом и ортодоксией» [Гумбрехт, 2018, с. 306].

Другая точка зрения заключается в том, что использование термина «империя» должно носить условный характер. А.В. Шубин во вступительной статье к сборнику документов по распаду СССР выделяет общие и особенные черты советской и иных империй. Он пишет, в частности: «С империями СССР роднит его унитарность, авторитарность и многонациональный состав населения. Однако империями принято считать не все многонациональные авторитарные унитарные государства, а либо монархии (империи по самоназванию), либо те, где государствообразующий этнос является заведомым меньшинством населения. Эти признаки имперского характера системы в СССР отсутствовали, поэтому модель распада империй применима к СССР лишь отчасти» [Распад СССР, 2006, с. 40–41]. Действительно, по данным переписи населения 1989 г. в СССР проживало 286,7 млн чел. Из них русскими себя считали 145,2 млн чел. Из этого количества вторым языком народов СССР владели только 4,0% населения. Тогда как, например, среди 237 тыс. чел. ингушей только 1% владел вторым языком народов СССР, а русским языком — 80% населения, а из 22 тыс. чел. талышей русским языком владели только 5,5% [СССР в цифрах, 1990, с. 35, 38, 39]. Дополняет сложившуюся картину описание национального устройства СССР Дж. Хоскингом, который отметил, что большинство нерусских и почти все иностранцы считали, что Советский Союз — это Россия. Он описывает интересное противоречие: «Нерусские в СССР обычно видели в русских своих «господ». Со своей стороны, русские... думали, что освободили советские (и европейские) народы от нацистского рабства, а потом, во многом отказывая себе, помогали им восстанавливать экономику и строить социализм... Так почему же теперь к ним относятся с ненавистью и презрением?» [Хоскинг, 2012, с. 12]. Вывод Дж. Хоскинга дополняют воспоминания А.Х. Везирова, в 1988–1990-х гг. — первого секретаря ЦК КП Азербайджанской ССР, который интересы национальных элит приводит в качестве определяющего фактора распада Союза: «В то время в Азербайджане и Армении находились сотрудники Главного управления по борьбе с хищениями

социалистической собственности МВД СССР. ...Центр намеревался наказать виновных в Баку и Ереване. Из чувства самосохранения они стали расшатывать обстановку» [Везиров, 2018, с. 197–198].

Опираясь на идеи К. Скиннера о том, что для историка всегда есть риск представить аргументацию в таком виде, что ее чужеродные элементы создают впечатление очевидного, но в действительности ошибочного сходства, и в результате возникает множество ошибочных интерпретаций [Скиннер, 2018, с. 82], обратимся к воспоминаниям непосредственных участников событий. Е. Т. Гайдар однозначно придерживается версии о том, что СССР был империей, и главной причиной ее падения стало решение советского руководства «говорить правду о собственной истории» [Гайдар, 2015, с. 401]. Гласность, которая сделала доступной обществу информацию о злодеяниях режима, о том, как он оформлялся, подорвала остатки легитимности власти. Таким образом, особенность советской империи заключалась в том, что власть основывалась не на праве завоевателя, а на коммунистической идеологии и исторической традиции. Данное обстоятельство сделало процесс распада империи значительно более сложным, нежели чем в других имперских образованиях [Гайдар, 2015, с. 400–401]. Интересно, что к 2005 г. представление об СССР как империи и, соответственно, о ее распаде становится частью политической риторики. В. В. Путин, выступая с Посланием Федеральному собранию, признал, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [Путин, 2005]. Г. Э. Бурбулис, в интервью 2009 г., не высказывая однозначно идею о советской империи, но опираясь на слова В. Путина, признает, что ее распад – «это оптимистическая трагедия... эту катастрофу никто не мог устроить – ни один бойкий человек, ни десяток, ни сто лихих политиков. Это была катастрофа историческая, историко-культурная, геополитическая» [Бурбулис, 2009].

Наконец, рассмотрим травму 1989 года через представления о сути экономического кризиса периода перестройки. Е. М. Примаков считал необходимым экономическое реформирование страны, равно как и демократизацию общества, которые, однако, проводились, по его мнению, при сохранении «главенствующей роли мало измененного ЦК КПСС» [Примаков, 2018, с. 71], что предопределило последующие неудачи политики перестройки. В отличие от Е. М. Примакова, С. М. Шахрай одним из факторов распада СССР называл «информационный вирус» зависти: «Не выдержав испытания жесточайшим экономическим кризисом, сосед стал жалеть кусок хлеба для соседа, надеясь выжить в одиночку. В Тбилиси и Вильнюсе говорили: “Хватит работать на Москву”, в Москве и Свердловске требовали прекратить “кормить” республики Средней Азии... Поначалу казавшиеся здоровыми идеи республиканского экономического хозрасчета переросли в длинный список претензий, кто кому и что должен» [Шахрай, 2016, с. 31]. Примечательно, что воспоминания «Встречи на перекрестках» были изданы в 2015 г., когда Е. М. Примаков уже имел в индивидуальном багаже почти десятилетний опыт работы в качестве Президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. А сборник документов

«Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.)» увидел свет в 2016 г., и предисловие, автором которого является С.М. Шахрай, написано с учетом опыта, полученного автором во время работы в качестве члена Совета Безопасности Российской Федерации и руководства органами власти, связанными с определением национальной политики в стране в 1990-е гг.

В. Заславский еще в 1980-х гг. обратил внимание на проблему значительной разницы в оплате труда при отсутствии системы прогрессивного налога, при том, что вся структура разницы в доходах являлась продуктом решений, принятых политико-административной элитой. Разница в оплате труда проявлялась и в других формах. Например, создание закрытых городов определяло бóльшую востребованность рабочих физического труда, нежели высококвалифицированных специалистов; существование, помимо рубля, еще четырех типов валюты (речь идет у автора о системе сертификатов: с желтой полосой, с синей полосой, без полосы, чеки серии «Д») и, как следствие, наличие дифференцированной сети специализированных магазинов. Автор обращает внимание и на т.н. «вторую экономику», которая имела самые разнообразные проявления: «от коррупции чиновников до широко распространенных мелких хищений государственной собственности» [Заславский, 2019, с. 116], и отмечает, что «существуют определенные профессии и территории», которые «пожинают ее плоды». Экономическую ситуацию в стране, по его мнению, осложнили чернобыльская катастрофа, афганская война и резкое падение цен на нефть. Ю.С. Пивоваров в 2006 г., рассуждая о форме социальной жизни, предшествовавшей тому коррупционно-передельному порядку (хаосу, предусматривавшему «теневые», коррупционные производственные отношения), который пришел на смену социализму вместо коммунизма, вводит понятие «коррупционал-социализм». Так автор квалифицирует закат социализма, иронизируя при этом: «парадоксальным образом “закат” оказался и “расцветом”; безусловно, для массового обывателя это был лучший, то есть наименее травмировавший и угнетавший, период социализма; однако “расцвет” обернулся не только “закатом”, или – наоборот, все равно, но и “расцветом” new brazen world; таким образом: “закат” социализма = его “расцвету” = “расцвету” его “могильщика”» [Пивоваров, 2006].

Аналогичный подход демонстрирует М.А. Лебский в книге, опубликованной в 2019 г., в которой отмечает, что наряду с традиционным черным рынком, существовавшим на базе дефицита потребительских товаров, в СССР существовал административный сектор теневой экономики (то, что В. Заславский называет «второй экономикой»), который играл преимущественно отрицательную роль – своим возникновением он был обязан объективным причинам в виде нарастания процессов бюрократизации системы управления экономикой – «став благоприятной средой для формирования социальных слоев с протобуржуазными интересами» [Лебский, 2019, с. 15]. Политическое противостояние после 1988 г. поляризовало КПСС на два лагеря – «консерваторы» и «демократы». Основным вопросом касался того, насколько далеко зайдут рыночные реформы. Е. Лигачев (секретарь ЦК КПСС по идеологии)

был лидером т.н. «консерваторов», стремящихся удержать СССР на рельсах плановой экономики. «Демократы» в лице Б. Ельцина (первый секретарь Московского горкома КПСС), А. Яковлева (заведующий отделом пропаганды и секретарь ЦК КПСС по идеологии, информации и культуре) и других политиков, взяли уверенный курс на создание капитализма в СССР. Видя данный расклад сил, М.С. Горбачев пытался маневрировать и занимать центристскую позицию, но в условиях обостряющегося внутреннего кризиса для создания сильного центра в политической системе СССР не было никаких предпосылок. Интересен вывод М.А. Лебского о том, что возвращение России к статусу капиталистической полпериферии в начале 1990-х гг. не было случайным явлением, а вытекало из экономической логики развития Советского Союза в 1960-х гг. Реформа Косыгина-Либермана, в ходе которой была сделана ставка на прибыль и рентабельность как на главные показатели эффективности производства, вбила клин в целостность плановой системы. Теневой рынок, кооперативы, «комсомольская экономика» были теми «зернами», из которых вырос российский капитализм [Лебский, 2019, с. 15]. Интересный подход находим у А.В. Шубина, который отмечает, что к началу перестройки в Советском Союзе сосуществовали различные экономические модели: индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны; среднеазиатские общества, выходящие из классического доиндустриального состояния. Следует согласиться с автором, что «антиведомственный курс 1985–1991 гг. М.С. Горбачева» имел две составляющие: «местническую» (усиление региональных кланов) и «рыночную» (усиление самостоятельности директорского корпуса), что привело в конечном счете к «резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее “второго эшелона”), демонтажу отраслевой системы управления экономикой и росту самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера» [Распад СССР, 2006, с. 5, 26]. Иная точка зрения представлена у А.И. Вдовина: «После распада СССР и мировой системы социализма конца истории не наступило ... Если бы советское руководство избрало путь постепенного внедрения рыночных механизмов в экономику при сохранении государственного контроля, продолжал бы развитие и СССР» [Вдовин, 2019, с. 4].

Итак, «история – это не все прошлое, но она и не все то, что остается от прошлого» [Хальбвакс, 2005]. На рубеже 1989–1990 гг. социалистическая идея переживала глубокий кризис. Попытки исправить ситуацию привели к неминуемой демократизации общественной сферы, что, в свою очередь, подточило устойчивость КПСС как хранителя социалистической идеи в СССР и затем привело к дальнейшему витку кризиса идеи, переродившемуся в кризис политической системы. Власть и общество СССР вновь стояли перед выбором дальнейшего пути, как в 1921 г.: сохранить социалистическое идеологическое и партийное единство при условии введения т.н. капиталистических отношений либо пойти по пути абсолютной демократизации и либерализации во всех сферах. Руководство страны и КПСС придерживались идеи сохранения системы советов, пути демократизации социализма, не допуская возможности перерождения последнего в иные

варианты. Однако в 1989 г. позиции КПСС были ослаблены как внутривнутрипартийной борьбой, так и внешними факторами, в частности, активизацией региональных политических и экономических элит. Какой бы путь ни выбрало руководство страны в сложившихся условиях, итог был предопределен. Именно I Съезд народных депутатов СССР стал толчком к активизации общества на фоне все более усиливающегося консерватизма руководящих элит. С другой стороны, именно руководство страны, по сути, являлось «первым учителем» демократии для советского человека: массовое вовлечение простого человека в политику, резкое расширение гласности и отсутствие политических и иных санкций за возможность выражать собственное мнение — все это было спровоцировано политическими реформами, проводимыми ЦК КПСС в период перестройки.

При этом глобальность происходивших изменений предопределила коллективную травму, которая выражалась в практически мгновенной потере национальной идентичности («единый советский народ») и сразу начавшимся поискам новой, идеологической институциональной ностальгии (уже в начале 1990-х гг. появилось множество социалистических и коммунистических партий, значительное количество населения считали себя коммунистами, в 1995 г. КПРФ победила на выборах в Государственную думу и т.д.). Как в воспоминаниях политиков второй половины 1980-х гг., так и в представлениях научной гуманитарной интеллигенции последующие события (в частности, распад СССР) определили коллективное восприятие прошлого, сформировав преимущественно западноцентричный взгляд на 1989 год и перестройку в целом. Отношение к СССР как к империи, имеющей свои особенности, преимущественно идеологической, мы наблюдаем у представителей разного политического спектра и разных направлений новейшей историографии. Истоки коллективной советской памяти мы находим еще во взглядах В.И. Ленина. В массовом общественном сознании политика перестройки, роль I Съезда народных депутатов вытеснены последующими событиями 1990-х гг., и в связи с этим более важным событием становится именно распад СССР.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с. URL: <https://gorky.media/fragments/stalin-vmesto-lenina-ot-mezhnatsionalnogo-sssr-k-rossijskoj-natsii/> (дата обращения — 11 июля 2019 г.).

Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 189–243.

- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Бурбулис Г.* Распад СССР – оптимистическая трагедия. Интервью // Altapress. 1 октября 2009 // URL: <https://altapress.ru/politika/story/gennadiy-burbulis-raspad-sssr-optimisticheskaya-tragediya-45779> (дата обращения: 11 июля 2019 г.).
- Вдовин А.И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РФ-Прогресс, 2019. 768 с.
- Вдовин А.И.* Русская нация в XX века (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М.: РФ-Пресс, 2019. 712 с.
- Везиров А.Х.* В первых рядах партера. М.: Худож. лит., 2018. 280 с.
- ВЦИОМ: более 50% россиян знают о первом созыве Съезда народных депутатов СССР // URL: <https://tass.ru/obschestvo/6465802> МОСКВА, 24 мая 2019. /ТАСС/ (дата обращения – 11 июля 2019 г.).
- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки современной России М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. 592 с.
- Горбачев М.С.* В меняющемся мире. М.: Издательство АСТ, 2018. 352 с.
- Гумбрехт Х.У.* Латентность как источник настоящего. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
- Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство СП «Инмаг», 1990. 176 с.
- Заславский В.* От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 456 с.
- Лебский М.А.* Новый русский капитализм: От зарождения до кризиса (1986–2018 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.
- Ленин В.И.* Письмо Г. Мясникову. 5/VIII. 1921 // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Том 44. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 78–83.
- Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. 168 с.
- Примаков Е.М.* Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2018. 607 с.
- Примаков Е.М.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2019. 358 с.
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному собранию: Стенограмма. 2005 // URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374tyre82634_87049.shtml (дата обращения – 11 июля 2019 г.).
- Распад СССР. Документы / сост. А.В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.
- Ренан Э.* Что такое нация? // *Ренан Э.* Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. Т. IV. 1917–1991 гг. / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Россияне о Первом Съезде народных депутатов. URL: <https://iamik.ru/news/tekhnologii/68002/> (дата обращения – 11 июля 2019 г.).

Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–123.

СССР в цифрах в 1989 году. Краткий статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 319 с.

Травма: пункты: Сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения – 11 июля 2019 г.).

Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 544 с.

Шахрай С.М. Мифы и факты о распаде Союза ССР // Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II.: Архивные документы и материалы / под общ ред. С.М. Шахрая. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.

Шех А.В. Власть и общество в условиях перестройки в СССР // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6(25). С. 154–160.

Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 360 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 664 с.

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. (in Russian).

Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p. Available at: <https://gorky.media/fragments/stalin-vmesto-lenina-ot-mezhnatsionalnogo-sssr-k-rossijskoj-natsii/> (accessed 11 July 2019).

Atnashev T. *Istoricheskii put', vybor i al'ternativy v politicheskoi mysli perestroiki okolo 1988 goda* [The historical path, choice and alternatives in the political thought of

perestroika around 1988], in *“Osobyi put’”: ot ideologii k metodu* [Special Path: from ideology to method]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 189–243 (in Russian).

Bakhmann-Medik D. *Kul’turnye povoroty. Novye orientiry v nauках o kul’ture* [Cultural twists. New guidelines in the sciences of culture] / Per. s nem. S. Tashkenova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 p. (in Russian).

Burbulis G. Raskhod SSSR – optimisticheskaya tragediya. Interv’yu [The collapse of the USSR – an optimistic tragedy. Interview], in *Altapress*. 1 oktyabrya 2009. Available at: <https://altapress.ru/politika/story/gennadiy-burbulis-raspad-sssr-optimisticheskaya-tragediya-45779> (accessed 11 July 2019).

Vdovin A.I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg.)* [USSR. The history of a great power (1922–1991)]. M.: RG-Progress, 2019. 768 p. (in Russian).

Vdovin A.I. *Russkaya natsiya v XX veka (russkoe, sovetskoe, rossiiskoe v etnopoliticheskoi istorii Rossii)* [The Russian nation in the XX century (Russian, Soviet, Russian in the ethnopolitical history of Russia)]. M.: RG-Press, 2019. 712 p. (in Russian).

Vezirov A.Kh. *V pervykh ryadakh partera* [In the forefront of the stalls]. M.: Khudozh. lit., 2018. 280 p. (in Russian).

VTsIOM: bolee 50 % rossiyan znayut o pervom sozyve S’ezda narodnykh deputatov SSSR [VTsIOM: more than 50 % of Russians know about the first convocation of the Congress of People’s Deputies of the USSR]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6465802> MOSKVA, 24 maya 2019. /TASS/ (accessed 11 July 2019).

Gaidar E.T. *Gibel’ imperii. Uroki sovremennoi Rossii* [The death of the empire. Lessons of modern Russia]. M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2015. 592 p. (in Russian).

Gorbachev M.S. *V menyayushchemsya mire* [In a changing world]. M.: Izdatel’stvo AST, 2018. 352 p. (in Russian).

Gumbrekht Kh.U. *Latentnost’ kak istochnik nastoyashchego* [Latency as a source of the present]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 328 p. (in Russian).

El’tsin B.N. *Ispoved’ na zadannuyu temu* [Confession on a given topic]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel’stvo SP “Inmag”, 1990. 176 p. (in Russian).

Zaslavskii V. *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoi Rossii (1970–2000)* [From the Neostalan state to post-Soviet Russia (1970–2000)]. SPb.: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 456 p. (in Russian).

Lebskii M.A. *Novyi russkii kapitalizm: Ot zarozhdeniya do krizisa (1986–2018 gg.)* [New Russian Capitalism: From Inception to the Crisis (1986–2018)]. M.: LENAND, 2019. 200 p. (in Russian).

Lenin V.I. Pis’mo G. Myasnikovu. 5/VIII.1921 [Letter to G. Myasnikov. 5/VIII.1921], in Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. T. 44. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1970. Pp. 78–83 (in Russian).

Pivovarov Yu.M. *Russkaya politika v ee istoricheskom i kul’turnom otnosheniyakh* [Russian politics in its historical and cultural relations]. M.: ROSSPEN, 2006. 168 p. (in Russian).

Primakov E.M. *Vstrechi na perekrestkakh* [Crossroad meetings]. M.: Tsentrpoligraf, 2018. 607 p. (in Russian).

Primakov E.M. *Minnoe pole politiki* [Minefield policy]. M.: Molodaya gvardiya, 2019. 358 p. (in Russian).

Putin V.V. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu: Stenogramma. 2005* [Message from the President to the Federal Assembly: Transcript. 2005]. Available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (accessed 11 July 2019).

Raspad SSSR. Dokumenty [The collapse of the USSR. Documents] / sost. A.V. Shubin. M.: IVI RAN, 2006. 286 p. (in Russian).

Renan E. Chto takoe natsiya? [What is a nation?], in Renan E. *Sobranie sochinenii v 12-ti tomakh* [Collected works in 12 volumes]. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiei V.N. Mikhailovskogo. T. 6. Kiev, 1902. Pp. 87–101 (in Russian).

Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.: V 4 t. T. IV. 1917–1991 gg. [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century. : In 4 vols. T. IV. 1917–1991] / Otv. red. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 671 p. (in Russian).

Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 p. (in Russian).

Rossiyane o Pervom S'ezde narodnykh deputatov [Russians about the First Congress of People's Deputies]. Available at: <https://iamik.ru/news/tekhnologii/68002/> (accessed 11 July 2019).

Skinner K. Znachenie i ponimanie istorii idei [Russians about the First Congress of People's Deputies], in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History] / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 53–123 (in Russian).

SSSR v tsifrakh v 1989 godu. Kratkii statisticheskii sbornik [USSR in numbers in 1989. Brief statistical compilation] / Goskomstat SSSR. M.: Finansy i statistika, 1990. 319 p. (in Russian).

Travma: punkty: Sbornik statei [Injury: points: Collection of articles] / sost. S. Ushakin, E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 936 p. (in Russian).

Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory], in *Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2 (40–41)*. Pp. 8–27. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 11 July 2019).

Khosking Dzh. *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soyuze* [Rulers and victims. Russians in the Soviet Union]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 544 p. (in Russian).

Shakhrai S.M. Mify i fakty o raspade Soyuza SSR [Myths and facts about the collapse of the USSR], in *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986–1992 gg.): v 2 t. T. II.: Arkhivnye dokumenty i materialy* [The collapse of the USSR: Documents and facts (1986–1992): in 2 vols.

II.: Archival documents and materials] / pod obshch red. S.M. Shakhrya. M.: Kuchkovo pole, 2016. 824 p. (in Russian).

Shekh A.V. Vlast' i obshchestvo v usloviyakh perestroiki v SSSR [Power and society in the context of perestroika in the USSR], in *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 2014. № 6(25). Pp. 154–160 (in Russian).

Shenle A. *Arkhitektura zabveniya: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni* [Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Russia of the New Age]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 360 p. (in Russian).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. 3-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 664 p. (in Russian).